

*Л.Э. ЛИМОНОВ,
М.В. НЕСЕНА*

Культурное разнообразие российских регионов и экономический рост

Статья посвящена оценке влияния культурного разнообразия российских регионов на экономический рост в рамках неоклассической теории экономического роста. В качестве теоретической основы использована модель Р. Барро и К. Сала-и-Мартина, получившая название β -конвергенции. Результаты показали, что культурное разнообразие оказывает влияние на темпы роста регионов, но практически не влияет на конвергенцию регионов по доходам. Так, в целом этническая фрагментарность общества – незначимый фактор для конвергенции регионов по доходам, но в регионах с более низкой численностью экономически активного населения она является отрицательным фактором для темпов роста доходов. Разнообразие по региону и стране происхождения, порождаемое внутренней и международной миграцией, – значимый положительный фактор для темпов роста регионов по доходам, что происходит за счет регионов с более высокой плотностью населения. При этом внутренняя и международная миграция не оказывает существенного влияния на конвергенцию регионов. Религиозное разнообразие оказывает статистически значимое влияние на темпы роста доходов только в регионах с небольшой численностью экономически активного населения, и это влияние отрицательно.

Ключевые слова: культурное разнообразие, миграция, институционализируемая и внеинституционализируемая религиозность, региональная экономика, экономический рост, конвергенция.

История поставила перед современным обществом сложные задачи решения этнических, религиозных конфликтов, проблем серьезных столкновений разных систем ценностей, существующих в мире благодаря культурному разнообразию. Кроме того, рост международной миграции в индустриально развитые страны обычно неблагоприятно воспринимается общественным мнением принимающих стран, где набирают популярность требования ограничить не только нелегальную, но и легальную миграцию.

Начиная с влиятельной работы В. Истерли и Р. Левина [*Easterly, Levine 1997*], ученые пытаются выяснить, как фракционализация общества по этнической, лингвистической и религиозной принадлежности отражается на экономическом росте, качестве государственного правления, объемах государственных услуг и т.д. Данная тема исследований остается актуальной на протяжении последних двадцати лет, привлекая

Лимонов Леонид Эдуардович – доктор экономических наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург), генеральный директор Международного центра социально-экономических исследований “Леонтьевский Центр”. Адрес: 7-я Красноармейская ул., д. 25, Санкт-Петербург, 199005. E-mail: limonov@hse.ru.

Несена Марина Васильевна – научный сотрудник АНО МЦСЭИ “Леонтьевский Центр”, преподаватель НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Адрес: 7-я Красноармейская ул., д. 25, Санкт-Петербург, 199005. E-mail: mnesena@leontief.ru.

широкий круг ученых (А. Алесина, Ж. Оттоввиано, К. Десмет, Ш. Вебер и др.) и научных сообществ (National Bureau of Economic Research – NBER, Centre for Economic Policy Research – CERP и др.).

Культурное разнообразие – явление многомерное. Одним из походов к его изучению стало измерение фракционализации общества по культурным идентичностям (см. [Alesina, Baqir, Easterly 1999; Ottoviano, Peri 2006; Bellini, Ottaviano, Pinelli, Prarolo 2009; Michalopoulos 2012; Ahlerup, Olsson 2012; Ashraf, Galor 2013; Alesina, Harross, Rapoport 2013] и др.). В данном исследовании в русле сложившихся подходов предложено четыре измерения фракционализации общества: разнообразие этническое и религиозное, а также разнообразие, порождаемое внутренней и международной миграцией.

Культурное разнообразие общества, конечно, зависит не только от этнического и религиозного разнообразия, не только от миграционных потоков и доли коренного и некоренного населения. Большое значение имеют и уровень образования, и культурные различия социальных групп, и другие факторы, рассматриваемые, скорее, в рамках социологии, чем демографии. В данной работе для оценки культурного разнообразия использованы не результаты социологических опросов, а данные всероссийских переписей населения, представленных официальной статистикой. Среди показателей, собираемых статистическими службами на регулярной основе, есть и связанные с уровнем образования населения, численностью научных работников и т.д. Но оценка влияния человеческого капитала на экономический рост – самостоятельная тема, которой посвящено много исследований.

Когда мы говорим о связи экономического роста и культурного разнообразия, то значение имеет комплементарность умений и трудовых навыков работников, которые при взаимодействии их в процессе производства (в том числе и при производстве знаний) могут создавать синергетический эффект. К сожалению, на официальном портале государственной службы статистики в результатах переписей отсутствуют данные, отражающие одновременно национальную принадлежность или страну происхождения и уровень образования, что могло бы позволить провести более глубокое исследование. Поэтому в сложившихся условиях и применительно к нашей задаче представляется, что этнические и религиозные различия, а также объемы и состав миграционных потоков лучше характеризуют культурное разнообразие.

В первых эмпирических исследованиях на тему влияния культурного разнообразия на экономическое развитие доказывалось, что этнолингвистическое разнообразие отрицательно влияет на политику перераспределения доходов, в частности на размер государственных трансфертов [Easterly, Levin 1997; Alesina, Baqir, Easterly 1999; Alesina, Devleschawuer, Easterly, Kurlat, Wacziarg 2003]. Например, в упомянутой работе А. Алесины и его соавторов 1999 г., где рассматривается связь между гетерогенностью предпочтений и предоставлением государственных услуг в городах США, показано, что доля расходов на предоставление государственных услуг находится в обратной зависимости от этнической фрагментарности, даже при условии контроля над другими социально-экономическими и демографическими характеристиками. Подтверждение этому факту есть и в теоретических моделях [Caselli, Coleman 2006; Fernandez, Levy 2008; Lee, Roemer 2006]. В работе [Alesina, La Ferrara 2005] подводится итог первого десятилетия исследований на тему культурного разнообразия и разработана модель, подтверждающая гипотезу, согласно которой большее культурное разнообразие может способствовать выгодной комплементарности в навыках работников на производстве, но может приводить и к неэффективности из-за высоких транзакционных издержек, связанных с недоверием и отсутствием социальных связей.

Негативная зависимость экономического и политического развития от этнического разнообразия – один из самых устойчивых результатов исследований. Положительные свидетельства влияния культурного разнообразия связаны уже с эффектами международной миграции в развитые страны, которая также увеличивает в них культурное разнообразие. Например, исследования [Ottoviano, Peri 2006; Bellini, Ottaviano,

Pinelli, Prarolo 2009] о влиянии культурного разнообразия на производительность труда в городах США и в регионах ЕС свидетельствуют, что средний коренной житель США и ЕС обладает большей производительностью в более культурно диверсифицированной среде.

В работе [*Alesina, Harnoss, Rapoport* 2013] так же, как и в модели Ж. Отговиано и Ж. Пери, в качестве измерителя культурного разнообразия выступает разнообразие по стране происхождения, то есть то разнообразие в обществе, которое порождает международная миграция. Согласно статистике по международной миграции в страны OECD, в настоящее время 10% трудовых ресурсов данной группы стран представляют международные мигранты, количество которых увеличилось в три раза по сравнению с 1960 г. и в два раза за последние 20 лет [*Özden, Parsons, Schiff, Walmsley* 2011]. Одним из основных результатов исследования А. Алесины и соавторов стало выявление положительного влияния разнообразия трудовых ресурсов по стране происхождения на экономическое развитие (в частности, на ВВП и общую факторную производительность).

Заслуживающими внимания теоретическими работами последнего десятилетия по влиянию культурного разнообразия являются теоретические модели М. Берлиана и М. Фужиты [*Berliant, Fujita* 2010; *Berliant, Fujita* 2011^a; *Berliant, Fujita* 2011^b] о влиянии культурного разнообразия на экономический рост, его роли в создании знания. Выводы теоретических моделей данных исследователей говорят о том, что производительность в создании нового знания в регионе с гомогенной культурой ниже, чем в ситуации, когда присутствуют многообразие культур и гетерогенность работников сферы исследований и разработок.

В большинстве исследований по оценке культурного разнообразия предполагается, что показатели разнообразия – экзогенные переменные, не связанные с другими. В последних исследованиях по теме этнокультурного разнообразия уже обнаруживается значимая корреляция между этническим разнообразием и историей, разнообразием типов земель, сильными сторонами современного государства и колониальным правлением [*Michalopoulos* 2012; *Ahlerup, Olsson* 2012]. Поддерживая гипотезу эндогенности, Э. Грин исследует зависимость этнического разнообразия от процессов урбанизации. Обнаруженная зависимость имеет обратный характер, то есть большая степень урбанизации снижает степень этнического разнообразия, что характерно для этнически гетерогенных стран, в которых процесс урбанизации не завершился [*Green* 2011]. Данная зависимость связана, по-видимому, с результатами активной ассимиляции, которая сопровождает процессы урбанизации.

Темами последних эмпирических работ по культурному разнообразию стала оценка влияния генетического разнообразия на этнолингвистическое [*Ashraf, Galor* 2013], оценка индексов, отражающих уровень конфликтов между “периферийными” этническими меньшинствами и этническим большинством “центра” [*Desmet, Ortuño-Ortín, Weber* 2005; *Desmet, Ortuño-Ortín, Weber* 2009], оценка социально-экономического неравенства между этническими группами и его влияния на экономические показатели [*Alesina, Michalopoulos, Papaioannou* 2014].

В международных исследованиях миграция изучается по широкому кругу проблем. Ее, например, рассматривают как источник повышения производительности труда, доходов, открытости экономики [*Angrist, Kugler* 2003; *Saiz* 2003]. Исследования по проблемам миграции в России выявили “западный дрейф” в российской миграции, наличие ловушек бедности, препятствующих свободному потоку миграции, различия в миграционных моделях городов разных федеральных округов, незначимость миграции для сходимости российских регионов по доходам [*Tamevosov* 1973; *Andrienko, Guriev* 2004; *Guriev, Vakulenko* 2013; *Вакуленко* 2012; *Мкртчян, Карачурин* 2014]. В данной статье будет рассматриваться влияние международной и внутренней миграции в России на экономический рост через оценку зависимости темпов роста ВВП на душу населения от культурного разнообразия, порождаемого миграцией.

В рамках изучения культурного разнообразия и его влияния на экономические показатели также рассматривается и религиозное разнообразие. В целом, исследования влияния мировых религий на экономику восходят к классическим трудам М. Вебера, в которых доказывается, что религиозная обусловленность жизненного поведения – один из детерминантов хозяйственной этики [Вебер 1994, с. 43–44]. Его известные работы начала XX в. убедительно показали, что в некоторых религиях содержится более позитивное отношение к труду и экономическому развитию, чем в других.

Современные исследователи придерживаются, в целом, тех же взглядов, подтверждая данную теорию и выделяя другие аспекты влияния религий на экономику. Например, в работе [Helble 2007, с. 386] на национальном уровне показано, что если люди разделяют одну и ту же веру, то они с большей вероятностью вступают в торговые отношения. В исследовании Р. Барро и Р. Маклири обнаружена позитивная зависимость экономического роста от степени религиозных верований [Barro, McLeary 2003; Barro, McLeary 2006]. Б. Де Лонга доказывает, что религия – хорошая переменная для описания способности общества абсорбировать новые технологии и, следовательно, использовать инновации [De Long 1988, р. 1153]. В [Perret 2014] впервые была сделана попытка оценить влияние религиозной структуры российского общества на экономический рост и создание знаний в российских регионах. Результаты исследования не позволили сделать однозначных выводов, но некоторые статистические артефакты были получены. В частности, что в российских регионах при более высокой доле православных верующих и христиан других конфессий наблюдается более высокий экономический рост и создание нового знания, чем при более высокой доле мусульман и той части населения, которая считает себя язычниками [Perret 2014, р. 28].

Источники анализа

Этническое разнообразие в России – особая социальная реальность. Оно в большей степени свойственно национальным республикам, за исключением чрезвычайно гомогенных территорий Чеченской Республики и Республики Ингушетия. Наибольшим этническим разнообразием обладает Республика Дагестан, где вероятность того, что два случайно отобранных индивида окажутся принадлежащими двум разным этническим группам, очень близка к единице.

Центру России свойственна большая этническая гомогенность, чем периферийным регионам, хотя агломерационные эффекты, проявляющиеся в крупнейших городах, повышают разнообразие, в том числе этническое, чему способствует миграция. Характерно, что показатель этнического разнообразия Санкт-Петербурга несколько превышает соответствующий показатель Москвы. Методика расчета показателей разнообразия, а также их количественные оценки и пространственное распределение приведены в других наших статьях [Лимонов, Несена 2015].

В таблице 1 представлена динамика этнолингвистического разнообразия населения России начиная с Российской империи и Советского Союза до современной Российской Федерации. При этом, если Российская империя и СССР относились к странам с высокой этнической гетерогенностью населения, для РСФСР и современной России индекс имеет умеренные значения.

Культурное разнообразие российского общества складывается, с одной стороны, из исторически сложившейся этнокультурной композиции, с другой – из результатов миграции (как международной, так и внутренней). Оценка индексов разнообразия по региону и стране происхождения и их корреляции с социально-экономическими показателями показывает, что одни и те же регионы России оказываются привлекательными как для международных, так и для внутренних мигрантов. Центрами притяжения выступают регионы с низкой безработицей и более высоким валовым региональным продуктом (ВРП). Это в первую очередь места добычи полезных ископаемых и затем регионы с более высокой долей городского населения, с более высоким качеством человеческого капитала и доходами. При этом большее разнообразие международных

Оценка этнического (этнолингвистического) разнообразия России в исторической ретроспективе*

	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Российская империя	0,761								
СССР		0,669	0,628	0,665	0,681	0,693	0,710		
РСФСР		0,449	0,316	0,303	0,311	0,315	0,332		
Россия								0,360	0,341

* Расчеты авторов сделаны по материалам, представленным на сайте проекта Института демографии НИУ ВШЭ Демоскоп Weekly www.demoscope.ru:

I Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. (под ред. Н.А. Тройницкого). Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных I Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. С.-Петербург, 1905 (Табл. XIII. Распределение населения по родному языку);

I Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. (под ред. Н.А. Тройницкого). Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных I Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. С.-Петербург, 1905 (Табл. XIII. Распределение населения по родному языку);

Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–29. Т. 9. С. 34–51. Т. 10. С. 9–13. Т. 11. С. 8–17. Т. 14. С. 6–16. Т. 15. С. 8–13. Т. 16. С. 8–12. Т. 17. С. 8–25 (Табл. VI. Население по полу, народности);

РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 966–1001 (Разработочная табл. ф. 15А. Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам);

РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 1566а–1566д (Табл. 3, 4. Распределение населения по национальности и родному языку);

РГАЭ РФ, фонд 1562, опись 336, ед.хр. 3998–4185 (Табл. 7с. Распределение населения по национальности, родному и второму языку);

РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 6174–6238 (Табл. 9с. Распределение населения по национальности и родному языку);

Рабочий архив Госкомстата России (Табл. 9с. Распределение населения по национальности и родному языку);

Всероссийская перепись 2002 г. (<http://www.gks.ru>);

Всероссийская перепись 2010 г. (<http://www.gks.ru>).

мигрантов наблюдается в России в регионах с более благоприятными климатическими условиями, низкой безработицей и высокой долей городского населения. Самые низкие показатели по разнообразию, порождаемому внутренней и международной миграцией, наблюдаются у национальных республик Северного Кавказа, в частности у Республики Дагестан, Чеченской Республики и Республики Ингушетия. Москва и Санкт-Петербург имеют средние значения показателей.

Наряду с этническим разнообразием и разнообразием по стране происхождения, религиозное разнообразие является важной характеристикой культуры общества, которую также можно рассматривать как фактор, влияющий на социально-экономические процессы. Религиозная структура российского общества отличается от европейской не столько разнообразием религий, сколько разнообразием верований, которые находятся за пределами традиционных религиозных практик. Согласно данным опроса, проведенного Независимой исследовательской службой “Среда”, российское общество имеет следующую религиозную структуру.

1. Религия внутри традиционных течений:

– православные в лоне Русской православной церкви – 41,14%;

– старообрядцы – 0,32%;

– католики – 0,13%;

- протестанты – 0,21%;
- евангельские христиане (пятидесятники) – 0,06%;
- иудеи – 0,07%;
- мусульмане, сунниты – 1,66%;
- мусульмане, шииты – 0,21%;
- буддисты – 0,46%;
- восточные религии и духовные практики – 0,06%.

2. Внеинституциональная религиозность:

- верят в Бога, но не исповедуют традиционные религии – 25,2%;
- христианство без конфессиональной принадлежности – 4,1%;
- православие без принадлежности Русской православной церкви – 1,5%;
- ислам (не сунниты и не шииты) – 5%.

3. Другое:

- атеисты – 13%;
- язычники – 1,2%;
- агностики (затруднились ответить) – 6,1%.

На основе структуры религиозных верований были сделаны оценки индекса разнообразия для российских регионов. В характере распределения сказывается удаленность от центра страны: Урал, Сибирь и Дальний Восток имеют большую гетерогенность, чем Центральная Европейская часть России. Относительная гомогенность свойственна также югу страны, за исключением некоторых национальных республик [Несена 2015^b].

Наименьшая гетерогенность религиозных верований свойственна Тамбовской, Курской и Липецкой областям. Наибольшая проявляется в национальных республиках – Республике Алтай, Карачаево-Черкесии и Республике Бурятия, за ними идут регионы Западной Сибири и Дальнего Востока.

Поскольку около половины населения России не находятся внутри какой-то институционализированной религиозной традиции, для целей исследования индекс разнообразия религиозных верований был скорректирован. В композиции полученного индекса было рассмотрено разнообразие принадлежности к религиозным традициям, оставшаяся часть населения рассматривалась как не имеющая религиозной практики. Характер распределения данного индекса по сравнению с индексом религиозных верований отличается. Наибольшая гетерогенность проявляется в регионах Поволжья, Урала и некоторых регионах Северного Кавказа. Наибольшая вероятность принадлежности к разным религиозным традициям (или к секулярной вере) проявляется в национальных республиках – Карачаево-Черкесии, Республике Татарстан, Республике Калмыкия и др. Наименьшая вероятность – в Тамбовской области, Алтайском крае и Сахалинской области.

Культурное разнообразие и модели экономического роста

В общеупотребительном смысле региональный рост означает рост численности населения или доходов. Рост появляется в ответ на изменения в структуре спроса, отраслевой структуре, структуре размещения фирм и жителей, изменений навыков и структуры человеческого капитала, изменения транспортных издержек и инфраструктуры, а также в ответ на развитие политико-экономической среды, финансовой сферы и местных институтов, но на все эти характеристики рост, в свою очередь, также оказывает влияние. Данные процессы могут перестроить пространственную структуру населения и производства [Breinlich, Ottaviano, Temple 2013, p. 3].

Современная теоретическая мысль пришла к выводу, что не существует и нежелательно иметь одну “каноническую модель” регионального роста. В свете современных тенденций моделирования агломерационных сил типология теорий регионального роста отражает комбинации слияния экономической теории с гео-

графией. По мере учета географии в экономической теории можно выделить следующие типы теорий “регионального роста”: неоклассическую теорию роста “без географии”, модели в традиции дуальной экономики с “ограниченной географией” и модели географии с “ограниченным ростом” [Breinlich, Ottaviano, Temple 2013, p. 2, 20].

К моделям “географии с ограниченным ростом” относятся те, которые являются основой экономики агломерационных эффектов [Fujita, Thisse 2002]. Факт неравномерности экономической активности в пространстве очевиден, поскольку территории различаются по климату и другим географическим характеристикам, степени доступности, по степени наделенности производственными ресурсами. Эти факторы можно классифицировать как факторы первой природы [Ottaviano, Thisse 2004].

Но есть и другая движущая сила экономической истории – это поиск безопасных и дешевых путей для торговли и перевозки материалов и продукции. Следствие действия этой силы – то, что пространственное распределение экономической деятельности напрямую не повторяет пространственное распределение географических преимуществ. Современные теории агломерационных эффектов изучают соответствующие движущие силы, раскрывая, как пространственные структуры деятельности зависят, с одной стороны, от экзогенной пространственной гетерогенности, с другой – от ряда других переменных, формируемых в результате человеческой деятельности [Breinlich, Ottaviano, Temple 2013, p. 27].

Тема культурного разнообразия в научной традиции разрабатывается параллельно с моделями географии с ограниченным ростом, черпает в них вдохновение и заимствует их подходы. Например, “любовь к разнообразию” в предпочтениях и технологиях (“love to variety”) [Fujita, Krugman, Venables 1999] – важная составляющая моделей пространственного развития. Ясно, что культурное разнообразие оказывает влияние на разнообразие и потребительских предпочтений, и трудовых навыков. Это отражено в ряде исследований [Ottaviano, Peri 2006; Bellini, Ottaviano, Pinelli, Prarolo 2009; Hecena 2015^a]. Со своей стороны, гипотезой данного исследования было влияние культурного разнообразия на экономический рост.

В широко используемых в настоящее время моделях агломерационного роста часто применяют структуру “ядро–периферия”, которая во многих случаях соответствует делению территорий на сельские и городские регионы. Это связано с более ранними моделями, отражающими традицию сосуществования в экономике как городского промышленного производства и услуг, так и аграрного сектора [Breinlich, Ottaviano, Temple 2013, p. 21].

Современные исследования пытаются соединить идеи дуальной экономики с моделями городской и региональной экономики. В результате возникают модели трансформации структуры город–село, эволюции городов, формирования новых городов на основе идей, заложенных в теории дуальной экономики (подробнее см. [Breinlich, Ottaviano, Temple 2013, с. 21–26]). До сих пор модели дуальной экономики не включали в рассмотрение культурное разнообразие, при этом, однако, различия в принадлежности к сельскому и городскому населению могут учитываться в эмпирических моделях близких направлений, например в модели гетерогенности предпочтений избирателей, разработанных в рамках политической экономики, можно, помимо оценки этнокультурных различий избирателей, включать показатель принадлежности к сельскому и городскому населению.

Теория неоклассического роста относится к теориям экономического “роста без географии”. Самым апологетическим исследованием неоклассической теории роста стали работы Р. Барро и К. Сала-и-Мартина [Barro, Sala-i-Martin 1991; Barro, Sala-i-Martin 2004]. В них показано, что предполагая ограниченную мобильность капитала и трудовых ресурсов, от регионов можно ожидать различного уровня сходимости к равновесному состоянию. При этом модель безусловной β -конвергенции предполагает существование единственной равновесной траектории роста, а модель условной кон-

вергенции – различных траекторий, детерминированных региональными различиями. Поскольку культурное разнообразие может рассматриваться как одна из характеристик региона, его оценку также можно использовать в модели условной β -конвергенции.

Таким образом, характеристики культурного разнообразия могут встраиваться в существующие теории и модели, объясняющие региональный рост и региональные различия. Выбор той или иной из существующих моделей определяется задачами исследования, то есть проверяемыми гипотезами и выбором значимых характеристик рассматриваемых процессов.

Эмпирическая модель и результаты эконометрических расчетов

В данном исследовании будет использована следующая эмпирическая модель:

$$\frac{1}{T} \ln \frac{Y_{T,i}}{Y_{t_0,i}} = \alpha + \beta \ln Y_{t_0,i} + \gamma Diversity_{t_0,i} + \delta X_{t_0,i} + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где $Y_{T,i}$ – ВРП на душу населения в реальном выражении в регионе i в момент времени T , $Y_{t_0,i}$ – ВРП на душу населения в реальном выражении в регионе i в начальный момент времени, t_0 ; $\frac{1}{T} \ln \frac{Y_{T,i}}{Y_{t_0,i}}$ – логарифмы средних темпов роста ВРП на душу населения за период с t_0 по T , $Diversity_{t_0,i}$ – индекс разнообразия населения по культурным

идентичностям; $X_{t_0,i}$ – факторы, характеризующие различия между регионами, которые способны влиять на темпы роста ВРП; α , β , γ , δ – параметры модели, при этом β – параметр, характеризующий конвергенцию. Согласно теоретической модели, если $\beta < 0$, между регионами существует конвергенция.

В данной модели рассматриваются темпы роста ВРП на душу населения в реальном выражении, значения получены пересчетом данных о ВРП по паритету покупательной способности в долларах. В качестве момента t_0 рассматривается 2002 г., для которого имеются данные по индексам культурного разнообразия. Период оценки темпов роста составляет восемь лет (до 2010 г.). В качестве контрольных переменных, характеризующих региональные различия, используются, во-первых, переменные, характеризующие систему городов – это численность самого крупного города и показатель первенства самого крупного города региона (*primacy level*), во-вторых, показатели, полученные на основе данных региональных бюджетов, отражающих степень экономической самостоятельности регионов, в частности профицит/дефицит региональных бюджетов (до поступления трансфертов) в расчете на душу населения.

В таблицах 2 и 3 представлены результаты регрессий безусловной и условной конвергенции с индексами культурного разнообразия в качестве переменных, характеризующими различия регионов.

Основная проблема данной эмпирической модели была связана с мультиколлинеарностью. Несмотря на отбор переменных, корреляция проявляется между индексами разнообразия по стране и региону происхождения с доходами населения, а также с переменными, характеризующими урбанизированность территорий: численность населения самого крупного города и уровень его первенства в регионе. Поэтому в регрессиях постоянно контролировался фактор инфляции дисперсии (*variance inflation factor*). Для всех регрессий он не превышает 2.

Результаты показывают, что индексы разнообразия, порожденного внутренней и международной миграцией, оказывают влияние на темпы роста ВРП, но не являются значимым элементом конвергенции регионов по доходам, поскольку коэффициент β практически не меняет свои значения в моделях условной конвергенции с учетом индексов культурного разнообразия. Полученные результаты были проверены на устойчивость посредством оценки регрессий с наблюдениями, взвешенными плотностью

Результаты оценки β -конвергенции темпов роста ВРП на душу населения в реальном выражении с учетом культурного разнообразия территорий

Независимые переменные	Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.							
	0,283**** [0,060]	0,298**** [0,058]	0,297**** [0,059]	0,305**** [0,050]	0,288**** [0,059]	0,311**** [0,053]	0,279**** [0,063]	0,318**** [0,052]
Константа	-0,022*** [0,007]	-0,025**** [0,007]	-0,025**** [0,007]	0,020**** [0,007]	-0,022**** [0,007]	-0,028**** [0,006]	-0,022**** [0,007]	-0,023**** [0,006]
Логарифм ВРП на душу населения в реальном выражении в начальный момент времени t_0								
Индекс разнообразия по стране происхождения		0,089*** [0,028]	0,151*** [0,047]	-0,051** [0,021]				
Доля иностранцев в населении								
Индекс разнообразия по иностранному происхождению					-0,006 [0,011]			
Индекс этнического разнообразия						0,067**** [0,017]	0,015 [0,029]	
Индекс разнообразия по региону происхождения								-0,061 [0,042]
Индекс разнообразия религиозных верований								0,188 78
Индекс разнообразия институционализированных верований								
R^2	0,156 78	0,212 78	0,208 78	0,197 78	0,158 78	0,278 78	0,159 78	
Количество наблюдений								

* – значимость 10%; ** – значимость 5%; *** – значимость 1%; **** – значимость 0,1%.
Здесь и далее в квадратных скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Результаты оценки условной β -конвергенции темпов роста ВРП на душу населения в реальном выражении

Независимые переменные		Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.								
Константа	0,249**** [0,069] -2,882e-02*** [8,531e-03]	0,248**** [0,070] -2,858e-02**** [8,578e-03]	0,267**** [0,065] -2,487e-02**** [7,608e-03]	0,233*** [0,073] -2,530e-02** [8,208e-03]	0,250**** [0,053] -3,456e-02**** [7,500e-03]	0,231*** [0,075] -2,587e-02**** [8,052e-03]	0,259**** [0,071] -2,578e-02**** [7,628e-03]			
Логарифм ВРП на душу населения в реальном выражении в начальный момент времени t_0	8,151e-02*** [2,881e-02]	1,358e-01** [5,045e-02]								
Индекс разнообразия по стране происхождения										
Доля иностранцев в населении										
Индекс разнообразия по иностранному происхождению										
Индекс этнического разнообразия										
Индекс разнообразия по региону происхождения										
Индекс разнообразия религиозных верований										
Индекс разнообразия институциональных верований										
Логарифм численности населения самого крупного города региона	7,102e-03 [4,509e-03] -3,309e-02** [1,498e-02]	7,124e-03 [4,545e-03] -3,306e-02** [1,514e-02]	7,313e-03 [4,638e-03] -3,671e-02** [1,590e-0]	6,981e-03 [4,752e-03] -3,464e-02** [1,639e-02]	9,901e-03** [4,125e-03] -3,619e-02**** [1,190e-02]	7,080e-03 [4,728e-03] -3,535e-02** [1,584e-02]	6,951e-03 [4,713e-03] -3,162e-02* [1,624e-02]			
Отношение численности населения административного центра к численности городского населения региона	-1,711e-06** [6,495e-07]	-1,690e-06** [6,511e-07]	-1,480e-06** [6,215e-07]	-2,014e-06*** [5,855e-07]	-1,795e-06** [6,875e-07]	-1,947e-06*** [5,814e-07]	-1,823e-06*** [6,040e-07]			
Профицит/дефицит регионального бюджета до трансфертов из федерального бюджета	0,267 78	0,262 78	0,258 78	0,223 78	0,355 78	0,223 78	0,242 78			
Количество наблюдений										

* – значимость 10%; ** – значимость 5%; *** – значимость 1%; **** – значимость 0,1%.

населения и обратным квадратом численности экономически активного населения (см. табл. 1–4 Приложения).

При взвешивании наблюдений отмечается высокая значимость положительных коэффициентов индексов разнообразия по стране происхождения и региону происхождения только для регионов с более высокой плотностью населения. Исследование также показало, что индекс разнообразия внутри группы иностранных мигрантов – значимый отрицательный фактор темпов роста, и этот результат сохраняется для всех групп регионов (см. табл. 2 Приложения).

Что касается этнического разнообразия, то оценки регрессий в целом не выявили значимого влияния этнического разнообразия на темпы роста. Проверка на устойчивость результатов по данному индексу с помощью оценки регрессий со взвешенными наблюдениями показала значимую отрицательную зависимость темпов роста от этнического разнообразия для малонаселенных регионов (при взвешивании наблюдений обратным квадратом экономически активного населения; см. табл. 1 Приложения). Коэффициент β в регрессиях с этническим разнообразием меняется незначительно.

По индексам религиозного разнообразия оценка коэффициентов в регрессиях условной β -конвергенции в целом показала незначимые результаты. Оценка коэффициентов в регрессиях с обратным квадратом экономически активного населения в качестве весов показала отрицательное влияние на темпы роста ВРП как индекса разнообразия, учитывающего только институционализированные верования, так и индекса, учитывающего внеинституционализированные типы верований (см. табл. 4 Приложения). При этом в регрессии с индексом религиозного разнообразия, учитывающем внеинституционализированные верования, коэффициент β меняет свое значение и теряет свою значимость.

* * *

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что существует связь между культурным разнообразием и темпом роста доходов, но при этом влияние культурного разнообразия на конвергенцию регионов по доходам незначимое. В регионах, где наблюдается большая гетерогенность населения по стране происхождения, связанная с потоком международных мигрантов, и большее разнообразие по региону происхождения, связанное с внутренней миграцией, наблюдаются более высокие темпы роста ВРП на душу населения. Данный результат устойчив для регионов с более высокой плотностью населения. При этом выявлена устойчивая отрицательная зависимость темпов экономического роста от разнообразия внутри группы международных мигрантов. В целом по России культурное разнообразие, порождаемое миграцией, не является значимой составляющей β -конвергенции регионов по доходам.

Что касается этнического разнообразия, в целом для России не выявлено устойчивой связи между темпами роста ВРП и этническим разнообразием, но для регионов с меньшей численностью экономически активного населения зависимость темпов роста от этнического разнообразия существует, и она обратная. При этом этническое разнообразие не является значимой составляющей β -конвергенции регионов по доходам.

В отношении религиозного разнообразия получен результат о незначимости гетерогенности религиозных верований для темпов роста доходов на всей совокупности регионов. Религиозное разнообразие значимо только при рассмотрении регионов с меньшей численностью населения. Для данных регионов большее религиозное разнообразие способствует более низким темпам роста ВРП на душу населения. При этом получен статистический артефакт об отрицательном влиянии религиозного разнообразия с учетом внеинституционализированных верований на сходимости регионов по доходам.

Культурное разнообразие мы рассматривали как экзогенный фактор, и получили корреляционную зависимость с темпами роста. Но при этом очевидно, что культурное разнообразие имеет эндогенную природу, и каузальные связи должны быть гораздо сложнее. Поэтому для оценки влияния культурного разнообразия одновременно с анализом факторов, способствующих его росту, скорее, необходимо рассматривать более сложные структурные модели, что будет темой отдельного исследования.

Результаты оценки зависимости темпов роста ВРП на душу населения в реальном выражении от индексов этнического разнообразия и разнообразия по стране происхождения

Независимые переменные	Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.			Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.			
	Weights=DENSITY			Weights=1/ACTIVE_POP^2			
Константа	0,103**** [0,005]	0,086**** [0,010]	0,114* [0,059]	0,147** [0,056]	0,088**** [0,005]	0,423**** [0,085]	0,398**** [0,075]
Логарифм ВРП на душу населения в реальном выражении в начальный момент времени t_0			-0,001 [0,005]	0,007 [0,007]		-0,035**** [0,009]	-0,038**** [0,009]
Индекс этнического разнообразия	0,003 [0,018]	0,091** [0,041]	0,002 [0,018]		-0,052** [0,026]	-0,077*** [0,024]	
Индекс разнообразия по стране происхождения		0,084	0,003	0,139** [0,057]	0,051 [0,071]		0,140** [0,057]
R^2	0,001	0,084	0,003	0,143	0,021	0,431	0,382
Количество наблюдений	78	78	78	78	78	78	78

Результаты оценки зависимости темпов роста ВРП на душу населения в реальном выражении от международной миграции

Независимые переменные	Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.			Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.			
	Weights=DENSITY			Weights=1/ACTIVE_POP^2			
Константа	0,090**** [0,010]	0,155**** [0,019]	0,136** [0,056]	0,120**** [0,026]	0,089**** [0,014]	0,399**** [0,077]	0,299**** [0,047]
Логарифм ВРП на душу населения в реальном выражении в начальный момент времени t_0		-0,005 [0,006]	-0,005 [0,006]	0,005 [0,003]		-0,038**** [0,010]	-0,018**** [0,005]
Доля иностранцев в населении	0,134 [0,082]	-0,062*** [0,023]	0,188* [0,103]	-0,081**** [0,031]	0,083 [0,119]	0,235** [0,095]	-0,068**** [0,017]
Индекс разнообразия по иностранному происхождению		0,132	0,089	0,162	-0,091*** [0,029]		0,375
R^2	0,056	0,132	0,089	0,162	0,020	0,376	0,375
Количество наблюдений	78	78	78	78	78	78	78

* – значимость 10%; ** – значимость 5%; *** – значимость 1%; **** – значимость 0,1%.

Результаты оценки зависимости темпов роста ВРП на душу населения в реальном выражении от внутренней миграции

Независимые переменные	Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.			Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.				
	Weights=DENSITY			Weights=1/ACTIVE_POP^2				
Константа	0,073**** [0,008]	0,145**** [0,010]	0,232**** [0,037]	0,364**** [0,054]	0,085**** [0,020]	0,124**** [0,027]	0,377**** [0,083]	0,475**** [0,087]
Логарифм ВРП на душу населения в реальном выражении в начальный момент времени t_0	0,055**** [0,014]	-0,073**** [0,017]	0,120**** [0,017]	-0,019**** [0,005]	0,026 [0,032]	-0,041 [0,044]	-0,037**** [0,010]	-0,037**** [0,009]
Индекс разнообразия по региону происхождения				-0,143**** [0,020]				
Доля коренного населения	0,228 78	0,264 78	0,534 78	0,551 78	0,022 78	0,034 78	0,364 78	0,391 78
R^2								
Количество наблюдений	78	78	78	78	78	78	78	78

Результаты оценки зависимости темпов роста ВРП на душу населения в реальном выражении от индекса религиозного разнообразия

Независимые переменные	Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.			Средние темпы роста реального ВРП с 2002 по 2010 г.				
	Weights=DENSITY			Weights=1/ACTIVE_POP^2				
Константа	0,131*** [0,045]	0,113** [0,046]	0,134* [0,068]	0,119* [0,068]	0,199**** [0,021]	0,183**** [0,032]	0,263**** [0,083]	0,401**** [0,043]
Логарифм ВРП на душу населения в реальном выражении в начальный момент времени t_0	-0,041 [0,068]	-0,018 [0,085]	-0,041 [0,065]	-0,001 [0,004]	-0,143**** [0,032]	-0,178*** [0,064]	-0,010 [0,013]	-0,026**** [0,007]
Индекс разнообразия религиозных верований								
Индекс разнообразия институционализированных верований	0,025 78	0,002 78	0,026 78	0,004 78	0,374 78	0,323 78	0,390 78	0,524 78
Количество наблюдений	78	78	78	78	78	78	78	78

* – значимость 10%; ** – значимость 5%; *** – значимость 1%; **** – значимость 0,1%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вакуленко Е.С. (2012) Миграционные процессы в городах России: эконометрический анализ // *Прикладная эконометрика*. № 1. С. 25–50.
- Вебер М. (1994) Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Введение // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист. С. 43–77.
- Лимонов Л.Э., Несена М.В. (2015) Этнокультурное разнообразие и государственные услуги: анализ особенностей российских регионов // *Регион*. № 3. С. 146–170.
- Мкртчян Н., Карачурина Л. (2014) Миграция в России: потоки и центры притяжения // *Demoscope Weekly*, № 595–596 (<http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php>).
- Несена М.В. (2015) Влияние культурного разнообразия регионов России на экономические показатели // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 72–85.
- Татевосов Т.В. (1973) Исследование пространственных закономерностей миграции населения // *Статистика миграции населения*. М.: Статистика. С. 35–48.
- Ahlerup P., Olsson O. (2012) The Roots of Ethnic Diversity // *Journal of Economic Growth*, vol. 17, pp. 71–102.
- Alesina A., Baqir R., Easterly W. (1999) Public Goods and Ethnic Division // *Quarterly Journal of Economics*, no. 4, pp. 1243–1284.
- Alesina A., Devleschawuer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. (2003) Fractionalization // *Journal of Economic Growth*, no. 8, pp. 155–194.
- Alesina A., Harnoss D., Rapoport H. (2013) Birthplace Diversity and Economic Prosperity, NBER Working Paper no. 18699 (<http://federation.ens.fr/ydepot/semin/texte1213/HIL2013BIR.pdf>).
- Alesina A., La Ferrara E. (2005) Ethnic Diversity and Economic Performance // *Journal of Economic Literature*, vol. 43, pp. 762–800.
- Alesina A., Michalopoulos G., Papaioannou E. (2014) Ethnic Inequality, NBER Working Papers no. 18512, National Bureau of Economic Research, Inc. (<http://www.nber.org/papers/w18512.pdf>).
- Andrienko Y., Guriev S. (2004) Determinants of interregional mobility in Russia. Evidence from panel data // *Economics of Transition*, vol. 12, no. 1, pp. 1–27.
- Angrist J.D., Kugler A.D. (2003) Protective or Counter-productive? Labour Market Insitutions and the Effect of Immigration on EU Natives // *Economic Journal*, vol. 113, pp. 302–331.
- Ashraf Q., Galor O. (2013) Genetic Diversity and the Origins of Cultural Fragmentation. NBER Working Papers 18738, National Bureau of Economic Research, Inc. (<http://www.nber.org/papers/w18738.pdf>).
- Barro R., McLeary R. (2003^b) International determinants of religiosity. NBER Working Paper № 10147 (<http://www.nber.org/papers/w10147.pdf>).
- Barro R., McLeary R. (2003^a) Religion and Economic Growth. NBER Working Paper № 9682. (<http://www.nber.org/papers/w9682.pdf>).
- Barro R., McLeary R. (2006) Religion and Economy // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no. 2, pp. 49–72.
- Barro R., Sala-i-Martin X. (1991) Convergence across States and Regions // *Bookings Papers on Economic Activity*, vol. 22, no. 1, pp. 107–182.
- Barro R., Sala-i-Martin X. (2004) *Economic Growth*. Cambridge, (MA). MIT Press.
- Bellini E., Ottaviano G.I.P., Pinelli D., Prarolo G. (2009) Cultural Diversity and Economic Performance: Evidence from European Regions, Fondazione Eni Enrico Mattei Working Paper no. 632009 (<http://www.feem.it/userfiles/attach/Publication/NDL2009/NDL2009-063.pdf>).
- Berliant M., Fujita M. (2011^b) Culture and Diversity in Knowledge Creation, RIETI Discussion Paper Series 11-E-046 (<http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e046.pdf>).
- Berliant M., Fujita M. (2010) The Dynamics of Knowledge Diversity and Economic Growth, RIETI Discussion Paper Series 10-E-024 (<http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/10e024.pdf>).
- Berliant M., Fujita M. (2011^a) Knowledge Creation as a Square Dance on the Hilbert Cube // *International Economic Review*, Department of Economics, Univ. of Pennsylvania and Osaka Univ. Institute of Social and Economic Research Association, vol. 49, no. 4, pp. 1251–1295.
- Breinlich H., Ottaviano G.I.P., Temple J. (2013) Regional growth and regional decline, CEP Discussion Papers dp1232, Centre for Economic Performance, LSE (<http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1232.pdf>).
- Caselli F., Coleman W.J. (2006) On the Theory of Ethnic Conflict. NBER Working Paper № 12125 (<http://www.nber.org/papers/w12125.pdf>).
- De Long B. (1988) Productivity growth, convergence, and welfare: comment // *American Economic Review*, vol. 78, pp. 1138–1154.

Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. (2009) Linguistic Diversity and Redistribution // Journal of the European Economic Association, vol. 7, no. 6, pp. 1291–1318.

Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. (2005) Peripheral Diversity and Redistribution. CEPR Discussion Paper № 5112, C.E.P.R. Discussion Papers (http://www.cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=5112).

Easterly W., Levine R. (1997) Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // Quarterly Journal of Economics, no. 112, pp. 1203–1250.

Fernández R., Levy G. (2008) Diversity and redistribution // Journal of Public Economics, vol. 92, no. 5–6, pp. 925–943.

Fujita M., Krugman P., Venables A. (1999) The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade, Cambridge (MA): MIT Press.

Fujita M., Thisse J.-F. (2002) Economics of Agglomeration. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Green E. (2011) Endogenous ethnicity // Political Science and Political Economy Working Paper. LSEPS, no. 3 (http://www.lse.ac.uk/government/research/resgroups/PSPE/pdf/PSPE_WP3_11.pdf).

Guriev S., Vakulenko E. (2013) Breaking out of poverty traps: Internal Migration and Interregional convergence in Russia. CEPR Discussion Papers 9675, C.E.P.R. Discussion Papers (http://www.cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=9675).

Helble M. (2007) Is god good for trade? // KYKLOS, vol. 60, pp. 385–413.

Lee W., Roemer J.E. (2006) Racism and redistribution in the United States: a solution to the problem of American exceptionalism // Journal of Public Economics, vol. 90, no. 6–7, pp. 1027–1052.

Michalopoulos S. (2012) The Origins of Ethnolinguistic Diversity // American Economic Review, vol. 102, no. 4, p. 1508–1539.

Ottaviano G.I.P., Peri G. (2006) The Economic Value of Cultural Diversity: Evidence from US Cities // Journal of Economic Geography, no. 6, pp. 9–44.

Ottaviano G.I.P., Thisse J.-F. (2004) Agglomeration and economic geography // Handbook of Regional and Urban Economics, vol. 4. Amsterdam: North-Holland, pp. 2563–2608.

Özden Ç., Parsons C.R., Schiff M., Walmsley T.L. (2011) Where on earth is everybody? The evolution of global bilateral migration 1960–2000 // World Bank Economic Review, vol. 25, no. 1, pp. 12–56.

Perret J.K. (2014) Knowledge as a Driver of Regional Growth in the Russian Federation. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag.

Saiz A. (2003) Immigration and housing rents in American cities, Federal Reserve Bank of Philadelphia, Working Papers no. 03–12 (<http://www.philadelphiafed.org/research-and-data/publications/working-papers/2003/wp03-12.pdf>).

Cultural Diversity of the Russian Regions and Economic Growth

*L. LIMONOV**

*M. NESENA***

* **Limonov Leonid** – candidate of sciences (Economics), professor, the National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg), general director, ANO IC SER “Leontief Center”. Address: 25, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg, 199005, Russian Federation. E-mail: limonov@hse.ru.

** **Nesena Marina** – research assistant, ANO IC SER “Leontief Center”, Lecturer, the National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg). Address: 25, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg, 199005, Russian Federation. E-mail: mnesena@leontief.ru.

Abstract

The article is devoted to estimation of the impact of cultural diversity on economic growth in the Russian regions in the framework of the neoclassical theory of economic growth. The model developed by R. Barro and X. Sala-i-Martin, called β -convergence, was used as a theoretical basis for the study. The main finding is that cultural diversity has an impact on economic growth rate but in general does not affect the convergence of regions. So, in general, ethnic fragmentation of society is insignificant factor for income convergence of the regions, but in regions with a lower number of

economically active population it is a negative factor for economic growth rate. Generally, diversity of the population by region and country of origin, generated by internal and international migration, is a significant positive factor for the economic growth of regions, but it happens at the expense of the regions with a higher population density. At the same time, the internal and international migration has no significant impact on the convergence of regions. Religious diversity has a statistically significant impact on the income growth rate only in regions with a small number of economically active population, and it is negative.

Keywords: cultural diversity, ethnicity, migration, institutionalized and non-institutionalized religiosity, regional economics, economic growth, convergence.

REFERENCES

- Ahlerup P., Olsson O. (2012) The Roots of Ethnic Diversity. *Journal of Economic Growth*, vol. 17, pp. 71–102.
- Alesina A., Baqir R., Easterly W. (1999) Public Goods and Ethnic Division. *Quarterly Journal of Economics*, 111 (4), pp. 1243–1284.
- Alesina A., Devleschawuer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. (2003) Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, no. 8, pp. 155–194.
- Alesina A., Harnoss D., Rapoport H. (2013) *Birthplace Diversity and Economic Prosperity*, NBER Working Paper no. 18699 (<http://federation.ens.fr/ydepot/semin/texte1213/HIL2013BIR.pdf>).
- Alesina A., La Ferrara E. (2005) Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature*, vol. 43, pp. 762–800.
- Alesina A., Michalopoulos E., Papaioannou G. (2014) *Ethnic Inequality*, NBER Working Paper no. 18512, National Bureau of Economic Research, Inc. (<http://www.nber.org/papers/w18512.pdf>).
- Andrienko Y., Guriev S. (2004) Determinants of interregional mobility in Russia. Evidence from panel data. *Economics of Transition*, vol. 12, no. 1, pp. 1–27.
- Angrist J.D., Kugler A.D. (2003) Protective or Counter-productive? Labour Market Insitutions and the Effect of Immigration on EU Natives. *Economic Journal*, vol. 113, pp. 302–331.
- Ashraf Q., Galor O. (2013) Genetic Diversity and the Origins of Cultural Fragmentation. NBER Working Paper no. 18738, National Bureau of Economic Research, Inc. (<http://www.nber.org/papers/w18738.pdf>).
- Barro R., McLeary R. (2003^b) *International determinants of religiosity*. NBER Working Paper № 10147 (<http://www.nber.org/papers/w10147.pdf>).
- Barro R., McLeary R. (2003^a) *Religion and Economic Growth*. NBER Working Paper № 9682 (<http://www.nber.org/papers/w9682.pdf>).
- Barro R., McLeary R. (2006) Religion and Economy. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no. 2, pp. 49–72.
- Barro R., Sala-i-Martin X. (1991) *Convergence across States and Regions*. Bookings Papers on Economic Activity, vol. 22, no. 1, pp. 107–182.
- Barro R., Sala-i-Martin X. (2004) *Economic Growth*. Cambridge (MA): MIT Press.
- Bellini E., Ottaviano G.I.P., Pinelli D., Prarolo G. (2009) *Cultural Diversity and Economic Performance: Evidence from European Regions*. Fondazione Eni Enrico Mattei Working Paper no. 632009 (<http://www.feem.it/userfiles/attach/Publication/NDL2009/NDL2009-063.pdf>).
- Berliant M., Fujita M. (2010) *The Dynamics of Knowledge Diversity and Economic Growth*, RIETI Discussion Paper Series 10-E-024 (<http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/10e024.pdf>).
- Berliant M., Fujita M. (2011^a) Knowledge Creation as a Square Dance on the Hilbert Cube, International Economic Review, Department of Economics, Univ. of Pennsylvania and Osaka Univ. Institute of Social and Economic Research Association, vol. 49, no. 4, pp. 1251–1295.
- Berliant M., Fujita M. (2011^b) *Culture and Diversity in Knowledge Creation*, RIETI Discussion Paper Series 11-E-046 (<http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e046.pdf>).
- Breinlich H., Ottaviano G.I.P., Temple J. (2013) *Regional growth and regional decline*. CEP Discussion Papers dp1232, Centre for Economic Performance, LSE (<http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1232.pdf>).
- Caselli F., Coleman W.J. (2006) *On the Theory of Ethnic Conflict*. NBER Working Paper № 12125 (<http://www.nber.org/papers/w12125.pdf>).
- De Long B. (1988) Productivity growth, convergence, and welfare: comment. *American Economic Review*, vol. 78, pp. 1138–1154.

- Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. (2009) Linguistic Diversity and Redistribution. *Journal of the European Economic Association*, vol. 7, no. 6, pp. 1291–1318.
- Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. (2005) *Peripheral Diversity and Redistribution*. CEPR Discussion Paper № 5112, C.E.P.R. Discussion Papers (http://www.cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=5112).
- Easterly W., Levine R. (1997) Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. *Quarterly Journal of Economics*, no. 112, pp. 1203–1250.
- Fernández R., Levy G. (2008) Diversity and redistribution. *Journal of Public Economics*, vol. 92, no. 5–6, pp. 925–943.
- Fujita M., Krugman P., Venables A. (1999) *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*, Cambridge (MA): MIT Press.
- Fujita M., Thisse J.-F. (2002) *Economics of Agglomeration*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Green E. (2011) *Endogenous ethnicity. Political Science and Political Economy Working Paper. LSEPS*, no. 3 (http://www.lse.ac.uk/government/research/resgroups/PSPE/pdf/PSPE_WP3_11.pdf).
- Guriev S., Vakulenko E. (2013) *Breaking out of poverty traps: Internal Migration and Interregional convergence in Russia*. CEPR Discussion Paper 9675, C.E.P.R. Discussion Papers.
- Helble M. (2007) Is god good for trade? *KYKLOS*, vol. 60, pp. 385–413.
- Lee W., Roemer J.E. (2006) Racism and redistribution in the United States: a solution to the problem of American exceptionalism. *Journal of Public Economics*, vol. 90, no. 6–7, pp. 1027–1052.
- Limonov L.E., Nesena M.V. (2015) Etnokulturnoye raznoobrazie i gosudarstvennyye uslugi: analiz osobennostey rossiyskikh regionov [Ethno-cultural diversity and public goods: analysis of features of Russian regions] *Region*, no. 3, pp. 146–170.
- Michalopoulos S. (2012) The Origins of Ethnolinguistic Diversity. *American Economic Review*, vol. 102, no. 4, pp. 1508–1539.
- Mkrtchian N., Karachurina L. (2014) Migratsiya v Rossii: potoki i tsentry prityazheniya [Migration in Russia: flows and centers of attraction]. *Demoscope Weekly*, № 595–596 (<http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php>).
- Nesena M.V. (2015^a) Vliyaniye kulturnogo raznoobraziya regionov Rossii na ekonomicheskie pokazateli [Impact of Cultural Diversity of Russian regions on Economic Performance]. *Obstchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 72–85.
- Ottaviano G.I.P., Peri G. (2006) The Economic Value of Cultural Diversity: Evidence from US Cities. *Journal of Economic Geography*, no. 6, pp. 9–44.
- Ottaviano G.I.P., Thisse J.-F. (2004). Agglomeration and economic geography. *Handbook of Regional and Urban Economics*, vol. 4. Amsterdam: North-Holland, pp. 2563–2608.
- Özden Ç., Parsons C.R., Schiff M., Walmsley T.L. (2011) Where on earth is everybody? The evolution of global bilateral migration 1960–2000. *World Bank Economic Review*, vol. 25, no. 1, pp. 12–56.
- Perret J.K. (2014) *Knowledge as a Driver of Regional Growth in the Russian Federation*. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag.
- Saiz A. (2003) *Immigration and housing rents in American cities*, Federal Reserve Bank of Philadelphia, Working Papers no. 03–12 (<http://www.philadelphiafed.org/research-and-data/publications/working-papers/2003/wp03-12.pdf>).
- Tatevosov T.V. (1973) Issledovanie prostranstvennykh zakonornostey migratsii naseleniya [Study of spatial trends in migration of population] *Statistika migratsii naseleniya* [Statistics of Migration of Population]. Moscow: Statistika, pp. 35–48.
- Vakulenko E.S. (2012) Migratsionniye protsessy v gorodakh Rossii: ekonometricheskii analiz [Migration in Russian cities: Econometric analysis]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], no. 1, pp. 25–50.
- Veber M. (1994) Khoziaystvennaya etika mirovykh religiy. Popytka sravnitel'nogo issledovaniya v oblasti sotsiologii religiy. Vvedeniye. [Economic Ethics of World Religions]. An attempt of a comparative study in the sociology of religion. Introduction] Veber M. *Izbrannoye. Obraz obshchestva* [Selected Works. Image of the society]. Moscow: Yurist, pp. 43–77.